

Сергей Патрушев

Капризная принцесса

Сергей Патрушев
Капризная принцесса

«Автор»

2026

Патрушев С.

Капризная принцесса / С. Патрушев — «Автор», 2026

В мире, где этикет душит, а придворные интриги отравляют воздух, живет леди Изольда — принцесса, чей нрав острее клинка, а капризы стали легендой. Она врывается в балльные залы, как буря, сокрушая лицемерие одним взглядом фиалковых глаз. Ее красота совершенна, ее аппетит безграничен, а талия остается неизменно тонкой, вызывая бессильную ярость завистниц и трепет ученых мужей. Но даже самая несокрушимая броня дает трещину, когда в сердце вонзается стрела любви. Превратившись в кроткую тень обаятельного плохиша, Изольда падает на самое дно собственной души — чтобы воскреснуть в сверкающих брызгах водопада и сразить наповал короля чужих земель. Однако судьба готовит ей испытание, какого не мог бы вообразить ни один маг: таинственное кольцо распахивает перед ней двери в иные миры, где сны продаются на базарах, а границы реальности истончаются до прозрачности. Теперь она — мост между измерениями, и от ее выбора зависит равновесие всего сущего.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Капризная принцесса

Глава первая. Острый шпиль в сердце бала

Говорили, что в этом сезоне само небо решило испытать терпение высшего света, поспав на землю такую невыносимую духоту. Но те, кто стоял в огромных, распахнутых настежь дверях бального зала королевского дворца, знали: духота эта родилась не под солнцем. Она исходила от сотен разгоряченных тел, от дыхания, смешанного с пудрой и духами, от пламени тысяч свечей, что дрожало в хрустальных подвесках люстр, похожих на перевернутые ледяные деревья. И в самом сердце этой сверкающей, душной, напряженной вселенной, подобно острому шпилью, вонзенному в рыхлую плоть праздника, стояла она — леди Изольда.

Ее появление, как и всегда, не было простым прибытием. Это было утверждение. Двери, казалось, распахнулись не перед ней, а из-за нее, подчиняясь не рукам лакеев, а одному лишь движению ее подбородка. Шепот, этот вездесущий зверь, обитающий под сводами любых собраний, сначала захлебнулся, а потом взвыл с новой силой, рассыпаясь на сотни ручейков: «Принцесса... Изольда... Капризная...» Последнее слово, самое хлесткое, передавали из уст в уста с особой, чуть боязливой жадностью, словно пробовали на язык запретное лакомство.

Она замерла на верхней ступени короткой лестницы, ведущей в паркетное море зала, и это мгновение остановки было просчитано до удара сердца. Она позволяла себя разглядывать. И было на что посмотреть. Платье принцессы, вопреки моде на воздушную пастель, было цвета грозового неба над морем — глубокого, почти черного синего, который вспыхивал и переливался серебряными искрами при каждом вздохе. Никаких цветов, никаких бантов, только этот бездонный цвет и каскад бриллиантов, стекавший по ее шее и обнаженным плечам холодным, колющим светом. Черные, как смоль, волосы, уложенные в высокую, немыслимо сложную конструкцию, венчала маленькая диадема — три сапфира, похожих на застывшие слезы разгневанного бога. Она была прекрасна так, что это причиняло почти физическую боль, была прекрасна надменно, вызывающе, не оставляя места ни для умиления, ни для простого человеческого тепла.

Группа молодых девушек, жавшихся к колонне, увитой гирляндами из живых роз, отреагировала на это видение синхронно, словно стайка экзотических птиц, потревоженных в своей клетке. Леди Маргери, рыжеволосая красавица с лицом херувима и душой ростовщицы, скривила губы, поправляя и без того безупречно лежащий локон.

— Боже, она снова надела это платье, — прошелестела она, и в ее голосе яд мешался с неподдельным отчаянием. — В прошлый раз она была в нем же на приеме у посла. Неужели у нее нет ничего другого?

— Что ты, дорогая, — подхватила леди Арабелла, тонкая, бледная, с вечно встревоженным взглядом, — ты разве не слышала? Это новое платье. Говорят, ткань для него ткали гномы в подземных пещерах из лунного света и паучьего шелка целых десять лет. И каждый бриллиант — это слеза русалки.

— Какая чушь, — фыркнула Маргери, но румянец на ее щеках стал ярче. Чушь это или нет, она понимала одно: ни один портной в королевстве, ни один ювелир не сможет создать для нее ничего подобного. Это было доступно только Изольде, и это убивало ее.

Они смотрели на принцессу, и каждая из них видела не живую девушку из плоти и крови, а ходячее оскорбление. Оскорбление их вкуса, их стараний, их скромных драгоценностей, на которые их отцы потратили состояния. Изольда не старалась. Она просто была. И в этом «была» заключалась такая бездна превосходства, что любое соревнование теряло смысл. Они осуждали ее высокомерный взгляд, ее манеру не замечать тех, кто ниже по титулу или по красоте, ее легендарные капризы, о которых слухи ползли по дворцу, как змеи. Они осуждали ее шепотом, с ядовитыми улыбочками, прикрывая веерами рты. Но в глубине души, в той потаенной, темной комнатке, куда каждая из них боялась заглядывать, они отчаянно, до скрежета зубовного завидовали. Завидовали ее свободе быть неудобной, ее праву плюнуть на этикет, ее способности входить в комнату так, словно она оказывает всем величайшую честь.

Сама же Изольда прекрасно знала цену и этому блеску, и этим перешептываниям, и этим завистливым взглядам. Они питали ее, как воздух питает пламя. Она медленно спустилась с последней ступени, и толпа перед ней расступилась, образовав почтительный, но полный скрытой враждебности коридор. Она плыла сквозь него, не глядя по сторонам, и взгляд ее огромных, фиалковых глаз был устремлен куда-то поверх голов, к возвышению, где на золотых стульях восседали ее родители — король и королева. Король смотрел на дочь с обожанием, смешанным с плохо скрываемой тревогой. Королева — с каменным, ничего не выражающим лицом, но в глубине ее глаз таился холодок неодобрения. Она знала свою дочь. Знала, что это затишье перед бурей. Изольда была ее творением, ее величайшей гордостью и ее самой сокрушительной ошибкой.

Принцесса совершила безупречный реверанс перед родителями, но даже в этом жесте почтения сквозила какая-то небрежная грация хищника, который выполняет скучный, но необходимый трюк. Король просиял и уже приподнялся, чтобы что-то сказать, но Изольда, не дожидаясь его слов, развернулась и направилась в самую гущу гостей. Королева едва заметно сжала подлокотник. Начинается.

Первой жертвой, вольно или невольно, стал лорд Эшфорд, старый, тучный казначей, славившийся своей бережливостью и коллекцией древних манускриптов. Он, пыхтя и обмахиваясь огромным платком, как раз рассказывал кружку таких же почтенных господ о новом налоге на ввоз шелка. Изольда остановилась рядом, и разговор мгновенно стих.

— Лорд Эшфорд, — произнесла она голосом, напоминающим звон хрусталя, по которому провели мокрым пальцем, — я слышала, вы недавно приобрели невероятной редкости свиток с эльфийскими письменами.

Старик расцвел. Угодить принцессе, да еще и блеснуть своей ученостью — это была редкая удача.

— О да, Ваше Высочество! Вы удивительно осведомлены! Это подлинный текст эпохи Первого Заката, я как раз...

— Я слышала, — перебила его Изольда, и ее взгляд стал рассеянным, скользящим по его расшитому золотом жилету, — что вы выложили за него две тысячи золотых.

— Это было выгодное вложение! — закивал казначей. — Его ценность со временем только...

— И я думаю, — снова перебила она, и теперь ее голос, не повышаясь, приобрел ту особую, режущую ясность, — что это просто позор.

Улыбка сползла с лица Эшфорда так резко, словно ее стерли мокрой тряпкой. В кружке воцарилась гробовая тишина. Старый лорд побагровел.

— Прошу прощения, Ваше Высочество?..

— Тратить две тысячи золотых на клочок пергамента, когда в северных провинциях люди пухнут с голоду после неурожая, — произнесла Изольда, обращаясь не к нему, а куда-то в пространство, к хрустальным подвескам люстры. — Тратить на это деньги из казны. Да, это позор. И глупость. Вы, кажется, отвечаете за то, чтобы казна не скудела, а вы приумножаете только свою коллекцию. Как это мило с вашей стороны.

Каждое ее слово падало, как камень в стоячую воду. Лорд Эшфорд открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба. Он не мог возразить. Он не мог оправдываться. Она выставила его, почтенного человека, дураком и казнокрадом перед лицом всего цвета королевства. И самое ужасное — в ее словах была доля правды, той самой, которую не принято произносить вслух на балах. Кто-то закашлялся. Дамы в кружке сочувственно и испуганно переглядывались.

А в стайке у колонны раздался тихий, полный злорадства смешок Арабеллы.

— Ох, бедный лорд! Но как она его... Справедливо.

— Справедливо? — прошипела Маргери. — Ты глупа. Она уничтожила его. За что?

— А за то, что он толстый, старый и смеет занимать место на ее пути, — процедила Арабелла. — Смотрите, смотрите, теперь она идет к леди Кроули!

Действительно, Изольда, оставив за спиной уничтоженного казначея, даже не взглянув на него, скользила дальше. На ее лице не отражалось ни торжества, ни злобы. Только скука. Глубочайшая, вселенская скука. Ее следующей целью стала леди Кроули, супруга военного министра, женщина с командным голосом и манерами сержанта, одетая в безвкусное алое платье с таким количеством золотой вышивки, что оно стояло колом. Леди Кроули была известна своим ханжеством и тем, что замучила трех своих дочерей строжайшим воспитанием.

— Ваше Высочество, — прогудела она, склоняясь в почтительном поклоне, — для меня такая честь лицезреть вас сегодня. Ваше платье — это просто чудо, а диадема... говорят, это фамильная ценность королевы Элайны?

— Да, — сухо ответила Изольда, ее взгляд на мгновение задержался на перьях, торчавших из прически леди Кроули. — Ее носили все женщины нашего рода. Она пропитана кровью, слезами и магией. Надеюсь, она подойдет и к вашему платью.

Леди Кроули опешила. Это было сказано с таким непроницаемым лицом, что невозможно было понять, комплимент это или чудовищное оскорбление. Но слово «кровь» в устах принцессы прозвучало как-то угрожающе.

— Я... простите?..

— Я говорю, что ваше платье такое яркое, — пояснила Изольда с едва заметной улыбкой, похожей на трещину во льду. — Такое... жизнеутверждающее. Ярко-алое. Знаете, что говорят про алый цвет? Говорят, если долго на него смотреть, можно впасть в ярость. Но вам это, конечно, не грозит. Вы, кажется, всегда в ярости, особенно когда речь заходит о ваших дочерях. Они такие послушные. Бедняжки.

И она пошла дальше, оставив леди Кроули багровой, как ее платье, и задыхающейся от невысказанной грубости. Это было не просто светское злословие, это было препарирование. Изольда не сплетничала. Она выносила приговор. Быстрый, точный, смертельный.

Волна ропота теперь уже не затихала, она нарастала, становясь похожей на шум далекого, приближающегося шторма. Дамы у колонны шипели:

— Она невыносима! Как королева это терпит? Она позорит корону!

— Смотрите, она остановилась возле посла Ксантии!

— О, сейчас будет дипломатический скандал! Герцог, который пьет только воду...

И действительно, Изольда остановилась возле юного герцога Дюваля, нового посла далекой Ксантии, который славился своей аскетичностью и тем, что на всех приемах пил только воду.

— Герцог, — пропела она, беря с подноса проходящего мимо лакея бокал с шампанским, — вы по-прежнему верны своей... воде? Мне говорили, вы считаете вино ядом, ослабляющим дух.

Герцог, молодой человек с умным и строгим лицом, поклонился:

— Это так, Ваше Высочество. Я привык, чтобы мой разум всегда оставался ясным.

— О, это замечательное качество для посла, — кивнула Изольда, делая глоток из своего бокала. — Ясный разум. Особенно когда вокруг столько лжи. Скажите, а тот торговый договор, который вы так усердно продвигаете последний месяц, — он тоже плод вашего кристально ясного разума?

— Безусловно, — герцог выпрямился. — Он выгоден обеим нашим странам.

— Выгоден, — повторила Изольда, растягивая слово. — Мой отец считает так же. Но я, знаете ли, иногда позволяю своему разуму замутиться. Например, парой бокалов этого чудесного яда. И в этом мутном состоянии я вдруг начинаю видеть то, чего не видят ясные умы. Например, что по этому договору мы получаем право беспошлинно торговать на ваших рынках, а вы взамен получаете доступ к нашим технологиям обработки магических кристаллов. Звучит как честный обмен, не так ли?

— Совершенно верно.

— И в моей замутненной вином голове, — ее голос стал еще слаще, — возникает один вопрос. Технологии, которые мы вам передадим... Они ведь двойного назначения, верно? Ими можно не только лечить и освещать города, но и создавать оружие. Оружие, которое, как я слышала, очень интересует ваших соседей с севера, с которыми у нас, как вы знаете, довольно натянутые отношения. Я, конечно, глупая девушка, и мысли мои путаны, но вам, с вашим ясным разумом, не кажется это забавным?

Улыбка на лице герцога застыла, превратившись в маску. Он смотрел на принцессу, и в его глазах читалась растерянность, смешанная с гневом. Она за пять минут разобрала по косточкам самый сложный дипломатический документ, о котором говорили на закрытых советах, и указала на его самую главную, тщательно скрываемую уязвимость. И сделала это не в кабинете, а посреди бала, при свидетелях, превратив его, посла, в интригана и почти шпиона.

— Ваше Высочество, вы слишком умны, чтобы ваши слова можно было списать на вино, — тихо, с угрозой в голосе произнес он.

— А вы слишком умны, чтобы пить воду, — парировала она, и, потеряв к нему всякий интерес, повернулась к музыкантам, которые как раз взяли паузу.

— Что вы играете? — ее звонкий голос перекрыл гул голосов. — Это менуэт? Какая тоска. Я хочу вальс. Играйте вальс. Быстрый, темный вальс минорной тональности. Тот, что я слышала на границе с Дикими Землями. Вы должны его знать.

Придворный композитор, маленький, испуганный человечек, замер. Бальная программа была утверждена королевой месяц назад. Менять ее, да еще и по требованию взбалмошной принцессы... но и послушаться было смерти подобно. Он взглянул на королеву. Та сидела, прямая как струна, и лицо ее было белее мела. Она едва заметно кивнула. Музыканты засуетились.

И тут лопнуло терпение у главного распорядителя бала, лорда-камергера, педантичного и чопорного старика, который весь вечер с ужасом наблюдал за крушением этикета.

— Ваше Высочество! — он почти подбежал к ней, ломая руки. — Умоляю вас! Это невозможно! По программе сейчас танец цветов! Все дамы готовились! Ее Величество лично составляла расписание! Это нарушение всех правил!

Изольда медленно, словно нехотя, повернула голову в его сторону. В зале воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Даже свечи, казалось, перестали трещать.

— Правил? — переспросила она, и ее голос упал до шепота, от которого у всех похолодели спины. — Лорд-камергер, вы, кажется, меня не так поняли. Я не просила. Играйте. Вальс.

И музыканты, подчиняясь не ей даже, а этой всеобщей, парализующей атмосфере ее непоколебимой воли, заиграли. Первые же аккорды были резкими, тревожными, они резали слух после плавного менуэта. Это была музыка не для танца, а для бури. Гости растерянно топтались, не зная, что делать.

И тогда принц Лионель, дальний кузен Изольды, красивый, надменный юноша, который сам был не прочь поиграть в опасные игры, но только на своих условиях, шагнул вперед. Он снял с головы шляпу с плюмажем и швырнул ее на паркет.

— Вальс? — воскликнул он с нервным смехом. — А с кем ты будешь танцевать, Изольда? Кто из нас достаточно смел, чтобы поддержать твоё безумие? Или ты будешь кружиться одна, как планета, сорвавшаяся со своей орбиты?

И он рассмеялся, надеясь, что его поддержат. Но его смех одиноко повис в воздухе и угас. Изольда посмотрела на него так, словно увидела впервые в жизни. И этот взгляд был страшнее любого окрика. Она подошла к брошенной шляпе. Медленно, плавно, в такт начинающейся мелодии. Она не наклонилась. Она просто наступила на нее. На великолепный белый плюмаж, символ достоинства принца. Раздался хруст ломающихся перьев.

— Ты прав, кузен, — сказала она, и ее фиалковые глаза теперь горели темным, нехорошим пламенем. — Я буду танцевать одна. Среди всего этого... болота. Потому что во всем этом зале нет ни одного мужчины. Есть только трусы, лицемеры, казнокрады и шпионы. Вы все пришли сюда, чтобы смотреть на меня. Смотреть, осуждать, завидовать. Вы носите свои титулы и драгоценности, как ярмо, и боитесь сделать лишний шаг. Я ваша «капризная принцесса»? Да, я такая. И знаете почему? Потому что только мой каприз, только моя воля еще способна пробить эту толстую корку вашего самодовольства. Я здесь — единственное, что напоминает вам о том, что вы все еще живы, а не ходячие портреты ваших предков.

Она стояла в центре огромного зала, и бриллианты на ее груди вздымались и опали в такт тяжелому дыханию. Тишина была такой глубокой, что слышно было, как прогоревшая свеча с шипением упала в лужицу воска. Король закрыл лицо рукой. Королева встала, и это было движением королевы не на балу, а на поле битвы, проигранной битвы. Дамы у колонны прижимали к груди веера, их лица выражали сложнейшую гамму чувств: торжество от того, что она, наконец, перешла все границы, ужас от того, что она сказала, и жгучую, черную зависть. Потому что в эту минуту, уничтожая и унижая всех, кто ее окружал, она была прекрасна, как падший ангел, и свободна, как никто из них никогда не будет. Она была капризом, возведенным в абсолют, и этот каприз, острый как шпиль, пронзил сердце бала, оставив в нем кровоточащую, никогда не заживающую рану. Музыка, резкий минорный вальс, все еще звучала, единственная живая вещь в оцепеневшем зале. И под эту музыку, не дожидаясь ни разрешения, ни прощения, леди Изольда, капризная принцесса, развернулась и медленно, невыносимо медленно, пошла прочь, оставляя за спиной шлейф из серебряных искр и руины собственной репутации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.